

14. Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк) / А. Н. Харузин. – Москва, 1888. – Выпуск 1.
15. Харузин А. Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская Орда). Странички из записной книги / А. Н. Харузин. – Москва, 1888
16. Якушенкова О.С. Женщина на американском фронтире / О.С. Якушенкова. – Астрахань : Сорокин Роман Васильевич, 2012

References

1. Baranov A. *Geografiya Rossiyskoy imperii (kurs gorodskikh i uezdnykh uchilishch)* [Geography of the Russian Empire (Course city and county schools)], Moscow, Izdanie naslednikov avtora Publ., 1916.
2. State Archives of the Astrakhan region (SA AR). F. 1, op. 1, t. 1, d. 460.
3. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 1944.
4. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 2238.
5. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 2525.
6. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 2685.
7. SA AR. F. 1, op. 1, t. 2, d. 2668.
8. SA AR. F. 1, op. 1, t. 3, d. 4161.
9. SA AR. F. 1, op. 1, t. 3, d. 4602.
10. SA AR. F. 1, op. 32, t. 3, d. 620.
11. Zhanaev B.T., Inochkin V. A., Sagnaeva S. Kh. *Istoriya Bukeevskogo khanstva. 1801–1852 gg.* [History of the Bukeev Khanate. 1801–1852], Almaty, Dayk-Press Publ., 2002.
12. Levshin I. A. *Opisanie kirgiz-kazachikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* [Description Kirghiz Cossack or Kirghiz Kaisak, hordes and steppes], Almaty, Sanat Publ., 1996.
13. Leopoldov A. *Otnoshenie russkikh k kirgizam* [Relation to the Kyrgyz Russian]. *Samarskie gubernskie vedomosti. Chast neofitsialnaya* [Samara Provincial Gazette. Part informal], 1852, no. 5.
14. Kharuzin A. N. *Kirgizy Bukeevskoy ordy* [Kirghiz hordes], Moscow, 1888, issue 1.
15. Kharuzin A. N. *Stepnye ocherki (Kirgizskaya Bukeevskaya Orda). Stranichki iz zapisnoy knigi* [Steppe essays (Kyrgyz Bukeyev Horde). Pages from the phonebook], Moscow, 1888.
16. Yakushenkova O. S. *Zhenshchina na amerikanskom frontire* [Woman on the American frontier], Astrakhan, Sorokin Roman Vasilevich Publ., 2012.

ФЕНОМЕН МИФА И СОВРЕМЕННОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Куняшова Светлана Владимировна, заместитель директора по развитию

Астраханский музей-заповедник
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Советская, 15
E-mail: svet.3107@mail.ru

В статье дан философско-культурологический анализ проблемы феноменальности мифа и его динамики. Миф исследуется в контексте его соотношения с массовым сознанием, психикой человека, культурным и социальным развитием. Авторский взгляд отражен в необходимости междисциплинарного анализа мифа, учете историко-культурных и современных условий его актуализации (ремифологизации) как сложного ментально-психологического феномена.

Ключевые слова: миф, ремифологизация, глобализация, массовое сознание, культура

THE PHENOMENON OF MYTH AND MODERNITY: PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS

Kunyashova Svetlana V., Deputy Director of Development

Astrakhan Memorial Estate
15 Sovetskaya st., Astrakhan, 414000, Russian Federation
E-mail: svet.3107@mail.ru

This article presents a philosophical and cultural analysis of the problem of phenomenal myth and its dynamics. The myth is studied in the context of its correlation with the mass consciousness, the human psyche, cultural and social development. Author's view is reflected in the need for interdisciplinary analysis of myth, registered historical, cultural and contemporary conditions of its actualization (remythologization) as a complex mental-psychological phenomenon.

Keywords: myth, remythologization, globalization, mass consciousness, culture

Актуальность исследования феномена мифа обусловлена, на наш взгляд, тремя группами факторов.

Во-первых, это современный кризис методологии социогуманитарного и, соответственно, философского и культурологического познания, выраженный в утрате единой парадигмы исследования, плюрализме и субъективизме исследовательских подходов.

Во-вторых, на рубеже XX–XXI в. произошли и происходят фундаментальные изменения в онтологии культуры, что ставит новые задачи перед философами и учеными, в частности, переосмысление сущности и факторов динамики основных культурных феноменов, миф, безусловно, к ним относится.

В-третьих, это антропологический кризис, возникновения нового человека-информационного, по-иному воспринимающего себя, мир культуры и мир общества. Современный человек ищет новые способы познания и миф, как первая культурно-познавательная форма, становится весьма востребованным.

Все это делает необходимым философско-культурологический анализ ментально-психологической природы мифа, исторических и современных условий его динамики.

На протяжении всей истории человека сопровождают мифы. Видимо, невозможно представить древнего человека или древнее общество без системы мифов, которая формировала иерархию ценностей, регулировала нормы морали, предоставляла целостную картину мира. В древности человек, взаимодействуя с природной и социальной средой, не выделял себя как самостоятельную единицу и личность из окружающего мира. На ранней стадии развития человеку было присуще синкретическое мышление и в это время еще не существовало четкой и упорядоченной мифологической системы. Мифы на тот момент позволяют человеку проникнуть в тайны мироздания и помогают найти пути решения жизненно важных проблем. Благодаря системе мифов человек ощущал себя частью коллективного целого, решая тем самым проблему личного одиночества, что дает ему ощущение внутренней и социальной стабильности. «Мифы нужны для связи человека и остального мира, личности и его народа, его предков» [5, с. 71]. Мифы – неотъемлемый атрибут человеческой культуры на всем протяжении ее существования. «В мифах живет память народа, которая объясняет – кто вы, что с нами происходило, как мы реагировали на различные обстоятельства жизни» [5, с. 71]. В каждую историческую эпоху складывается своя система мифов, которая приходит на смену существующей. Так, например, для первобытного общества центральной темой мифологии является тема сотворения и происхождения мира – космогонические мифы. Мифологическое сознание остается присуще человечеству, изменяются лишь имена действующих лиц, дополняются их функции, корректируется место действия мифических сюжетов. Неслучайно, В. Полосин говорит о так называемом «мифе о мифе» – это миф о птице Феникс, сожженной богом Ра [8].

В работах отечественных и зарубежных исследователей существует большое количество подходов к определению сущности мифа, его происхождению и функций. В данной статье мы обратимся к некоторым из них, так, например, О.М. Фрейденберг определяет мифологию как «выражение единственно возможного познания, которое еще не ставит вопросов о достоверности того, что познает, а потому и не добивается ее» [10, с. 15]. В работах А.Ф. Лосева исследованию мифического сознания отводится значительное место. Алексей Федорович, характеризуя его, отмечает, что «миф – это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – со-

вершено необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» [2, с. 4].

Существенный вклад в понимание сущности, культурной и антропологической природы мифа внесли представители психоаналитической философии. З. Фрейд полагал, что мифы – это психологические законы сновидений. Он также, как и Д. Фрэзер, считал, что те знания, которые человек накапливает по мере развития науки, все равно развенчают ошибки, заложенные в мифической сфере [9]. И, если З. Фрейд относился к мифам, как и к религии и магии, отрицательно, то позиция Карла Юнга совершенно противоположна – он придерживался мнения, что ценности, заложенные в мифах, служат жизнеутверждающим целям. С его точки зрения, мифы не будут никогда вытеснены научными знаниями, т.к. они связаны с внутренним миром человека, тогда как вектор науки направлен на окружающий мир [1, с. 17].

Чрезвычайно важным, на наш взгляд, является понимание того, что миф не статичен, это «не реликтовое культурное образование». В ходе развития истории роль и функции мифов для человека менялись. Основные функции мифа, по мнению В.М. Пивоева, таковы: «аксиологическая, телеологическая, праксеологическая, которая реализуется в трех направлениях: прогностическом, магическом и творческом; коммуникативная, компенсаторная, познавательная и объяснительная» [7, с. 43].

В. Полосин в своей работе «Миф. Религия. Государство» выделяет три основные причины, по которым миф продолжает существовать на протяжении всей истории человечества – психологическую, онтологическую, социальную. Психологическая функция заключается в том, что человек чувствует духовную потребность в контакте с другими людьми, миф обеспечивает связь личного опыта каждого с опытом коллективным, что позволяет индивиду ощущать себя частью целого. Онтологическая – миф предлагает единую целостную картину мира, учитывая совокупный опыт человечества. Социальная – миф «является общественным подсознанием», потому как содержит информацию о человеческом опыте, накопленном за время своего существования [8].

Д. Кэмпбелл в работе «Мифы, в которых нам жить» отмечает, что мифы являются «опорой самой цивилизации, нравственных ценностей, сплоченности общества, его жизнеспособности и созидательной силы» [1, с. 8]. Он отмечает, что людям необходимы «жизнеутверждающие иллюзии», иначе человеческое существование теряет надежную опору. Примеры, которые приводятся автором, были присущи веку XX, но они еще более актуальны в наше время в связи с тем, что научные знания пошатнули веру людей в мифы, в древние запреты, берущие свое начало в мифологии – и наше современное общество захлестнула «лавина безнравственности». И нельзя не согласиться с Дж. Кэмпбеллом, что «именно на мифах основаны нравственные устои общества» [1, с. 14].

Своеобразным «историческим испытанием» для мифа стала эпоха Нового времени с ее духом наукоцентризма и рационализма. В это время наблюдается интенсивное развитие науки, которая ставит под сомнение необходимость мифа как формы восприятия мира. Несостоятельность науки в разрешении метафизических проблем, таких, как смысл жизни, соотношение добра и зла в мире, природа человека – все это усилило потребность в мифологии. Научное знание в силу своей специфики доступно не каждому, а язык мифа понятен многим. Наука и миф, как способы отражения реальности в сознании человека, ставят перед собой различные цели – для науки первоочередной задачей является выработка и систематизация объективных знаний о действительности, и в тоже время необходимо отметить тот факт, что «научная истина» не может претендовать на истину в конечной инстанции и, пока происходит развитие человеческого разума, научные исследования будут представлять новые истины; для мифа же познание не является главной целью.

С.А. Храпов отмечает, что «в эпоху философии иррационализма исчезло *a priori* негативное восприятие бессознательного (мифологического), что создало предпо-

сылки для осмысления психической и социальной реальности с точки зрения их цельности и сопряженности» [11, с. 41]. В отличие от науки, мифологическое миропонимание и миропредставление более целостно, поэтому сознание человека тяготеет к мифу и поэтому «демифологизация» общественного сознания в XX в. оказалась безрезультатной.

Мифологическое сознание претерпевает значительные трансформации в XX столетии. В работе «Миф и двадцатый век» Е.М. Мелетинский указывает на то, что ранее миф был формой преодоления незнания, но в XX веке становится способом безболезненного погружения в незнание. Миф предоставляет человеку свое особое временное пространство. Задача мифа в XX столетии представляется Е.М. Мелетинскому как бесконечное погружение человеческого логоса во вселенский хаос, для общества характерны процессы всемирной экономической, культурной, религиозной и политической интеграции и унификации [4]. Процесс глобализации разрушает единство мышления, мировосприятия конкретной изолированной культуры, все больше возрастает угроза культурной ассимиляции, причиной этому служит активный диалог культур. В условиях современной жизни возрастает мобильность, человек теряет связь со своим прошлым, поток информации постоянно увеличивается и адаптивные возможности психики вынуждают индивида искать средства защиты [3].

В современном мире мифология помогает восстановить систему ценностей, которая была утрачена, и, в свою очередь, миф становится одной из форм духовного общения человека. Человек обращается к мифу и сегодня, в информационную эпоху, будучи частью постиндустриального общества. По мнению К.Г. Юнга, современный человек, подобно своим предшественникам, продолжает оставаться мифотворцем, он вновь и вновь разыгрывает драмы тысячелетней давности, основанные на архетипических темах, и благодаря своей способности к осознанию может освободиться от их принудительных объятий [12]. Процессы, происходящие в сознании человечества, безусловно, находят свое отражение в его культуре, как неотъемлемой части жизни. Характеризуя современное общество, мы можем говорить о процессе глобализации, проявляющемся в популяризации массовой культуры. Культурная унификация приводит к потере самоидентификации, самобытности и характерного менталитета как различных наций, этносов, так и единичного человека. Мифы отражают собой желания, цели и стремления человека конкретной эпохи, в них мы можем найти воплощение образа желаемой реальности.

Интерес к исследованию механизмов развития духовно-практических измерений политических процессов, мифологизации и ремифологизации массового сознания вызван тем, что сегодня значимое место занимают информационные и пропагандистские технологии управления общественным сознанием. Освоение данных технологий является важным условием для удачного и эффективного ведения различных политических проектов, а также ведущим фактором конкурентоспособности страны в условиях самых разнообразных угроз ее национальной безопасности.

Массовое сознание никогда полностью не избавлялось от мифологического элемента, и возникает парадоксальная ситуация: если для науки характерен процесс демифологизации, то в культуре повседневности (и в политике) – ремифологизации. Ремифологизация определяется Ю.С. Осаченко как стратегия интерпретации мифа как значимого, автономного, ценного опыта и универсального культурного принципа [6, с. 63].

На наш взгляд, актуализация мифологической составляющей в современном пространстве культуры объясняется особенностями кризисного сознания, которое стремится к опоре на иррациональные силы вследствие утраты рациональной основы. Быстроменяющийся и развивающийся мир создает для человека необходимость в мифе, которая выражается в потребности отдыха от непрерывного информационного потока. Для человека современный мир теряет значение и истинность, мифологичность в данной ситуации наделяет окружающий мир для индивида глубиной. В современном мире человек все чаще пассивен, он отчуждается и отстраняется от окружающего мира,

продуктов собственной деятельности, что играет немаловажную роль в протекании процесса ремифологизации. В связи с этим, выделяется такой источник возникновения ремифологизации, как «полузнание». Целостное знание оказывается невозможным для восприятия «человека-постмодернистского», с каждым днем оно увеличивается и усложняется, превращается в сумму или даже хаос симулякров.

На современном этапе феномен мифа трансформировался. Утрачена его онтологическая функция, снижена роль психологической функции, но социально-регулятивная и культурологическая функции существенно усилились в связи с тем, что массовая культура будирует эмоциональные и иррациональные представления современного человека. Человек сегодня более мифологичен, чем век назад, так как цивилизация сделала ставку на его дерационализацию. Вследствие этого, исследования мифов, мифологического сознания и поведения чрезвычайно важны для понимания сущности и динамики многих современных культурных, социальных и антропологических процессов.

Список литературы

1. Кэмпбелл Дж. Мифы, в которых нам жить : пер. с англ. / Дж. Кэмпбелл. – Москва : Издательский дом «Гелиос», 2002. – 256 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 2001. – 559 с.
3. Маслова С. В. Функционирование мифа в современной культуре: контекст перехода к рациональности постмодерна / С. В. Маслова // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 310, № 2. – С. 210–214.
4. Мединский В. Р. Мифы о России – 1. О русском пьянстве, лени и жестокости / В. Р. Мединский. – Москва : ОАО «ОЛМА Медиа Групп», 2014. – 576 с.
5. Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век / Е. М. Мелетинский // Избранные статьи. Воспоминания. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – С. 419–426.
6. Осаченко Ю. С. Введение в философию мифа / Ю. С. Осаченко, Л. В. Дмитриева. – Москва : Интерпракс, 1994. – 176 с.
7. Пивоев В. М. Функции мифа в культуре / В. М. Пивоев // Вестник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Сер. 7. Философия. – 1993. – № 3. – С. 37–46.
8. Полосин В. Миф. Религия. Государство / В. Полосин. – Москва : Ладомир, 1999. – 440 с.
9. Фрейд З. Толкование сновидений / З. Фрейд // Сон и сновидения. – Москва, 1997.
10. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – Москва : Восточная литература Российской академии наук, 1998. – 800 с.
11. Храпов С. А. Концептуализация понятий «социальное бессознательное» и «менталитет» (культурно-исторический и философский анализ) / С. А. Храпов // Власть. – 2010. – № 10. – С. 39–41.
12. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Москва – Киев : Порт-Рояль – Совершенство, 1997. – 384 с.

References

1. Kempbell Dzh. *Mify, v kotorykh nam zhit* [Myths to Live By], Moscow, Gelios Publ. House, 2002. 256 p.
2. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth], Moscow, Mysl Publ., 2001. 559 p.
3. Maslova S. V. *Funktsionirovanie mifa v sovremennoy kulture: kontekst perekhoda k ratsionalnosti postmoderna* [Functioning of myth in contemporary culture: the context of the transition to a postmodern rationality]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2007, vol. 310, no. 2.
4. Medinskiy V. R. *Mify o Rossii – 1. O russkom pyanstve, leni i zhestokosti* [Myths about Russia – 1. Russian drunkenness, laziness and cruelty], ОАО «OLMA Media Grupp» Publ., 2014. 576 p.
5. Meletinskiy Ye. M. *Mif i dvadtsatyy vek* [Myth and Twentieth Century], *Izbrannye stati. Vospominaniya* [Featured Articles. Memories], Moscow, Russian State University for the Humanities Publ. House, 1998, pp. 419–426.
6. Osachenko Yu. S., Dmitrieva L. V. *Vvedenie v filosofiyu mifa* [Introduction to the philosophy of myth], Moscow, Interpraks Publ., 1994. 176 p.

7. Pivoev V. M. Funktsii mifa v kulture [The functions of myth in culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow gosudarstvennogo University named after MV Lomonosov. Ser. 7. Philosophy], 1993, no. 3, pp. 37–46.
8. Polosin V. *Mif. Religiya. Gosudarstvo* [Myth. Religion. State], Moscow, Ladimir Publ., 1999. 440 p.
9. Freyd Z. *Tolkovanie snovideniy* [Interpretation of Dreams]. *Son i snovideniya* [Sleep and Dreams], Moscow, 1997.
10. Freydenberg O.M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity], Moscow, Vostochnaya literatura Rossiyskoy akademii nauk, 1998. 800 p.
11. Khrapov S. A. Kontseptualizatsiya ponyatiy «sotsialnoe bessoznatelnoe» i «mentalitet» (kulturno-istoricheskiy i filosofskiy analiz) [Conceptualizing the concepts of "social unconscious" and "mentality" (cultural-historical and philosophical analysis)]. *Vlast* [The Power], 2010, no. 10, pp. 39–41.
12. Yung K. G. *Dusha i mif: shest arkhетipov* [Soul and Myth: Six Archetypes], Moscow, Kiev, Port-Royal – Sovershenstvo Publ., 1997. 384 p.

ПРОЗА Л. АНДРЕЕВА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ УЖАСОВ

Тихомиров Данил Сергеевич, аспирант

Астраханский государственный университет
410056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: danil.tikhomirov@yandex.ru

Статья посвящена тем чертам творчества Леонида Андреева, которые связывают его с традицией литературы ужасов. В работе делается попытка не только определить место Андреева в истории жанра, но и выделить специфические приемы, с помощью которых писатель придает своим прозаическим произведениям атмосферу страха и тревожного ожидания. Затрагиваются вопросы о специфической функции андреевской цветописи, о роли саспенса в сюжетном построении, о мотивах и образах, отсылающих к канонам жанра ужасов. В качестве примеров исследуются новеллы Андреева «Елеазар», «В тумане» и повесть «Красный смех». Статья будет полезна всем, кто изучает прозу Л. Андреева и хочет расширить рамки уже исследованных влияний на его творчество, а также тем, кто интересуется историей и особенностями жанра ужасов в российской и зарубежной литературе.

Ключевые слова: Готический роман, литература ужасов, мистика, мотив немоты, мотив ожившего мертвеца, саспенс, Серебряный век, темная семантика, цветопись, экспрессионизм

LEONID ANDREEV'S PROSE IN THE CONTEXT OF HORROR FICTION

Tikhomirov Daniel S., Post-graduate student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 410056, Russian Federation
E-mail: danil.tikhomirov@yandex.ru

The research is devoted to those features of Leonid Andreev's oeuvre, which tie him with the tradition of horror fiction. The aim of the work is not only to determine the place of Andreev in the genre history, but to define specific literary techniques and devices, which the writer uses to infuse the climate of fear and suspense to his writings. Specific function of Andreev's color-writing, the role of suspense in the narrative development, the motives and characters, referring to the canons of the horror fiction genre are probed in this work. To illustrate those, his short novellas "Eleazar", "Through haze" and the novelle "Scarlet laughter" are studied. The article will be useful to those, who study Andreev's prose and wants to expand the boundaries of the previously studied factors, which influenced his works, as well as to those, who take interest in the history and the peculiarities of the horror fiction in the Russian and foreign literature.

Keywords: Color-writing, dark semantics, expressionism, gothic novel, horror fiction, motive of muteness, mysticism, motive of a revived dead man's, Silver Age, suspense